

КЛАССИКИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ
РУСОФОБИИ
И НЕ ТОЛЬКО

ПИТЕР
ПОКЕТ

НАТАЛИЯ
ТАНЬШИНА

СТРАШНЫЕ СКАЗКИ О РОССИИ

«Страшные сказки о России во все времена были популярны у европейцев. Сказки или мифы. Но не обычные, фантастические, а политические или культурные, которые создаются в отношении представителей других стран, других обществ».

Наталья Тяншина, доктор исторических наук

Наталья Петровна Таньшина
Страшные сказки о России.
Классики европейской
руссофобии и не только
Серия «Питер покет»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69408076

Страшные сказки о России. Классики европейской руссофобии и не

только:

ISBN 978-5-00116-918-5

Аннотация

Слово «руссофобия», еще несколько лет назад едва ли не табуированное, сейчас у всех на слуху. И речь идет не просто о термине, а о явлении, с которым пришлось столкнуться нашей стране после 24 февраля 2022 года. Западный мир охватила буквально пандемия ненависти к России и всему русскому. Ты русский – значит, ты виновен. Между тем взгляд на Россию через оптику превосходства не просто как на Другого, а как на Чужого, как на огромную страну, населенную рабски покорными и бесправными людьми, управляемую тираном-диктатором, стремящимся к мировой гегемонии, своими корнями уходит в глубокую древность. А как целостная идеология руссофобия

оформляется в XIX столетии, в век становления классических идеологий, общественного мнения и прессы.

Эта книга – вовсе не история русофобии, не обобщающий теоретический труд. Это некоторый эскиз, галерея образов России, составленная на основе анализа работ европейских авторов, преимущественно французских, писавших о нашей стране в XIX веке, побывавших здесь или никогда не приезжавших сюда. Были они убежденными русофобами, обычными конъюнктурщиками или просто следовали модным тенденциям? Многие из работ этих авторов на русский язык не переводились, поэтому, возможно, читателю будет интересно познакомиться с мнением образованных европейцев XIX века о нашей стране. Может быть, тогда не будут казаться столь удивительными метаморфозы, произошедшие с нынешними западными политиками и обывателями. Ведь и сейчас действуют те же самые мифы и стереотипы восприятия. Мы и в XXI столетии остаемся для Запада вечной и неизменной Россией.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	6
Фальшивое «Завещание Петра Великого»: история одного фейка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Таньшина

Страшные сказки о России

Классики европейской

руссофобии и не только

© ООО Издательство «Питер», 2023

© Серия «ПИТЕР ПОКЕТ», 2023

© Наталья Таньшина, 2023

Введение

Любимы сказки. Страшные сказки – еще больше. Такое уж человек существо, чемпион по стремлению чувствовать страх, ведь это очень сильная эмоция, воздействующая на биохимическом уровне. Как и любовь. К незнакомому, *Другому*, люди испытывают эмоции двоякого рода – страх и интерес. Но интерес можно сознательно блокировать, и тогда останется страх. А еще любой специалист в области рекламы знает: хорошая история – это негативная история, то есть страшная. Она будет отлично продаваться. Именно такие страшные сказки о России во все времена были популярны у европейцев. Сказки или мифы. Но не обычные, фантастические, а политические или культурные, которые создаются в отношении представителей других стран, других обществ. Эти мифы всегда идеологически заряжены, они формируют определенный, нужный образ страны.

Представителя иной культуры люди воспринимают по определенным стереотипам, которые меняются очень медленно, передаются и транслируются из поколения в поколение. Например, «педантичные немцы» или «чопорные англичане», хотя вовсе не все немцы и англичане являются именно такими. Можно вспомнить и совсем обидные прозвища, как, например, «макаронники»-итальянцы или «лягушатники»-французы, хотя большинство современных

французов, возможно, и не пробовали лягушек, а макароны ест весь мир.

Такие стереотипы восприятия существуют и в отношении нашей страны, причем наряду с водкой, медведем и балалайкой распространились и стереотипы политические: жестокость, деспотизм, варварство, тотальное рабство и экспансионизм. Но среди них также и загадочная русская душа, и русская литература, и русские женщины – все это неизменно связывают с положительным образом России. Однако в разные исторические эпохи на первый план выходит либо одно, либо другое. Сейчас такое время, когда негативные образы встречаются гораздо чаще. Точнее, с помощью тотального воздействия СМИ навязываются западному обывателю посредством механизмов индоктринации, но опираются при этом на укоренившиеся коллективные архетипические представления, формировавшиеся на протяжении столетий.

Конечно, может возникнуть вопрос: а разве только в отношении русских существует какая-то неприязнь и даже фобия? И можно ли вообще говорить о фобии, то есть реальном страхе? Вспомним многовековое противостояние французов и немцев или англичан и французов. Да, людям свойственно относиться к представителям иной культуры, иностранцам как к *Другим*, что вполне естественно. Но дело в том, что к русским зачастую относятся не просто как к *Другим*, а как к экзистенциально *Чужим*. И это имеет принципиальное значение. Европейцы, люди западной культуры, как

бы ни враждовали между собой, друг для друга были и остаются «своими», представителями одной традиции. Мы же в их восприятии в какой-то момент из *Других* перешли в категорию *Чужих* на цивилизационном уровне. И во времена кризисов, в переломные эпохи, причем для самого западного общества, на нас смотрят как на *Чужих*. Собственно, это тоже объяснимо. Ведь Запад (речь идет об условном *Западе*, не географическом, а социокультурном феномене) воспринимает Россию посредством логики бинарных оппозиций: Запад есть воплощение всего позитивного, Россия – воплощение Зла. Мы нужны как некий антипод, антиобраз, как кривое зеркало, которое позволяет выгодно оттенять все «достоинства» западной цивилизации. Поэтому Россия может меняться сколько угодно, но в восприятии Запада останется вечной и неизменной. Чаще всего варварской, деспотичной и экспансионистской.

Безусловно, временами нашу страну видели совсем иначе. Когда на Западе в нас нуждались, когда на нас могли опереться при решении собственных проблем, тогда начинали смотреть другими глазами, а все негативные свойства тут же обращали в достоинства. А еще мы могли быть слабыми. И в таком случае нас уже не боялись, а просто пытались использовать либо старались научить. Эта оптика «учитель – ученик», этот взгляд из «цивилизованного» Запада на «статичный и отсталый» Восток/Россию имеет очень давние традиции.

Собственно, как и сам взгляд на нас как на *Чужих*. Хотя изначально такого не было, и отношения между Русью и Европой развивались на равных. Но случились важнейшие события: принятие Русью христианства по восточному образцу, а затем и Великая схизма, раскол прежде единой церкви, потом ордынское нашествие и иго¹. Утверждение на Руси христианства по греческому обряду явилось принципиальным моментом. Особенно после того, как православную Русь не удалось склонить к католической унии, мы стали не просто *Другими*, а *Чужими*, схизматиками, еретиками. Несмотря на то что современное общество давно секулярное, на глубинном уровне религиозный фактор является чуть ли не важнейшим в восприятии России. Например, Самюэль Хантингтон, один из идеологов холодной войны, границу раскола между цивилизованным Западом и не-Европой проводил именно по линии «католичество/православие».

Ордынское иго было вторым важнейшим фактором, оказавшим влияние на восприятие нашей страны. Для европейцев мы стали наследниками Орды и перенесли на себя тот негатив, который прежде доставался Востоку. После того как Московскую Русь не удалось склонить к католической унии и использовать в борьбе с Османской империей, мы превратились из *Других* в *Чужих* и начали восприниматься не про-

---

¹ В современных работах вместо термина «монголо-татарское иго» используется термин «ордынское иго» либо говорится о «системе зависимости русских земель от Орды». Термин «иго» часто употребляется в кавычках.

сто как Восток, а как Азия и даже азиатчина.

Во времена «открытия» Московской Руси ренессансными путешественниками, торговцами и дипломатами была написана работа, ставшая одной из хрестоматийных в восприятии России. Это «Записки о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна (1486–1566), опубликованные в 1549 году и составленные по итогам его миссий в нашу страну.

Правда, завершились они провалом, но свою неудачу Герберштейн объяснил ужасными свойствами русских и их неспособностью приобщаться к достижениям европейской цивилизации. В дальнейшем Россия станет меняться, однако иностранцы так и будут о ней судить по книге Герберштейна, которую даже отечественные исследователи выдавали за авторитетный источник информации.

Во времена Петра Великого, когда европейцы во второй раз «открывали» для себя Россию (а они всякий раз заново проделывали этот сизифов труд), появятся концепты «русского миража» и «русской угрозы». С одной стороны, идеализированное представление о России и ее просвещенных правителях, с другой – страх перед могучей державой, прорубившей окно в Европу и заявившей о своих претензиях на мировое господство. Именно тогда стараниями французских просветителей формируются два образа, два взгляда на Россию. Вольтер и ранний Дени Дидро воспринимали ее как полигон для прогрессивных преобразований, как площад-

ку, на которой можно проводить грандиозные эксперименты. Жан-Жак Руссо и Шарль Луи Монтескье стояли у истоков иного, презрительно-высокомерного взгляда: Россия никогда не станет цивилизованной, в ней нет среднего класса, она всегда будет деспотичной и стремящейся к экспансии. Причем оба этих взгляда могли как последовательно сменять друг друга (в зависимости от политической и международной конъюнктуры), так и сосуществовать, поскольку в самом европейском обществе, да и в каждой конкретной стране был полный спектр взглядов на Россию. Если в глазах одних она представлялась надеждой рода человеческого, то для других являлась воплощением зла; если одни развивали тему «русского миража», то другие – «русской угрозы»; если одни видели в России союзника, то другие – грозного и непримиримого врага. Но в целом тот или иной образ России был необходим для решения собственных внутренних проблем и был обусловлен внутренней «повесткой дня», поэтому в зависимости от ситуации мог весьма быстро корректироваться, но глубинные его основы всегда сохранялись.

Увлечение Петром I и его преобразованиями прошло весьма быстро, и интерес к России вновь сменился недоверием, высокомерием, к которому добавился страх перед новой могущественной империей. А французы со времен Просвещения стали наиболее авторитетными специалистами по России, ведь французский язык был в XVIII–XIX столетиях языком «международного общения» европейской элиты,

книги французских авторов расходились по всей Европе, и именно французов с полным основанием можно считать пионерами в области русофобии.

Итак, «русский мираж» весьма быстро потускнел, а начавшаяся во Франции в конце XVIII века революция окончательно его рассеяла. Образ варварской демонической России, готовой уничтожить передовые идеи свободы, равенства и братства, снова стал востребованным, а наполеоновская пропаганда создала портрет ужасного казака как воплощения страшной России, и со страниц наполеоновских газет этот растиражированный образ переключался в книги историков. Именно тогда, на завершающем этапе Наполеоновских войн, появился один из важнейших подложных документов, свидетельствующих о якобы амбициозных планах российских государей – так называемое «Завещание Петра Великого». Вовсе не случайно, что некоторые исследователи зарождение русофобии относят именно к завершающему этапу Наполеоновских войн.

Следует уточнить, что сам термин «руссофобия» появляется позже – в английской прессе он встречается в 1836 году. Понятие «руссофобия» ввели в оборот английские радикалы в полемических целях, дабы обозначить фантомный или преувеличенный страх перед «русской угрозой». Речь шла не о реальных планах России по завоеванию Индии и Константинополя, а об опасениях англичан потерять Индию и увидеть Россию в Константинополе, о «страхах фантазии»,

как их образно называет американский исследователь Ларри Вульф.

Характерно, что термин «*франкофобия*» встречается уже в 1759 году, «*англофобия*» – в 1793-м, однако до конца 1830-х годов они использовались фрагментарно. Безусловно, русофобия как явление имеет гораздо более глубокие корни, но как целостная идеология она формируется именно в XIX столетии, когда развиваются классические идеологии.

В это время русофобия на Западе становится средством решения собственных внутренних проблем, механизмом партийной конкуренции, инструментом в борьбе за голоса избирателей. Поэтому русофобия – это не только архетипический иррациональный страх перед чужой и непонятной Россией, лежащий в глубинах коллективных представлений, это рациональный механизм и способ конкурентной борьбы с Россией. Шквал русофобии, захлестнувший «коллективный Запад» после февраля 2022 года, наглядно это подтверждает, только теперь главными выгодополучателями становятся уже не страны Западной Европы, как это было в XIX веке, а США. Запугивать обывателя «русской угрозой» и активно на этом зарабатывать, более того, бороться таким методом за мировое господство – вот каковы цели создания одиозного образа России. Ничего личного, только бизнес.

Мне могут возразить, что никакой русофобии нет, что это вообще медицинский термин, не имеющий отношения к гуманитарным наукам, и что «руссофобию» сами русские и

придумали. Да, такое мнение существует, даже в серьезных изданиях можно найти утверждение, будто это понятие придумали русские и встречается оно впервые в письме поэта и дипломата Ф. И. Тютчева дочери Анне от 26 сентября 1867 года, при этом Тютчев пишет о «руссофобии некоторых русских людей». Но, как читатель уже знает, этот термин имеет западноевропейское происхождение. А если есть термин, значит, есть и явление.

Как упоминалось выше, XIX столетие – время становления классических идеологий. Либерализм, социализм, марксизм – все это формируется именно тогда. И руссофобия как целостная идеология с устойчивым набором признаков утверждается в этот период, хотя, как уже отмечалось, мифы и стереотипы восприятия России, ставшие основными компонентами руссофобского образа, сложились несколько столетий назад и неизменны вплоть до наших дней. Мы меняемся, Россия меняется, а западные представления о нас остаются прежними. Такие устойчивые идеологемы руссофобии, как деспотизм, тотальное рабство, экспансия, отсутствие жизни и свободы, мрак и непроглядная серость, способность не к подлинному творчеству, а лишь к имитации, повсеместная ложь и смерть – все это есть в работах Сигизмунда Герберштейна, Астольфа де Кюстина, в фильмах Андрея Звягинцева, в массовом сознании западных обывателей как времен холодной войны, так и сейчас.

По окончании Наполеоновских войн тема России ста-

новится весьма популярной в Европе. Это было связано с огромными успехами нашей страны, одолевшей императора Наполеона, продемонстрировавшей свою военную мощь, когда русские войска оказались в самом сердце Европы. Могучая и сильная Россия, безусловно, начинает пугать европейцев, и писатели, политики, журналисты и ученые приступают к активной разработке русской темы. Посещают Россию, хотя далеко не всегда, ведь, как и во времена Возрождения и Просвещения, можно было совершить так называемый философский вояж, не покидая своего уютного кабинета в Париже или Лондоне. Приезжать в Россию было не обязательно, так как иностранец, как правило, заранее знал, что он напишет об этой стране, поскольку мифы и стереотипы уже были сформированы и каждая книга о России зачастую воспроизводила уже известную историю или сказку о ней. Конечно, книги были разные, и вовсе не сплошь негативные, и светлых образов нашей страны было создано немало. Но кому сейчас известны эти источники, эти добрые сказки о России? Разве что специалистам. А вот работы, в которых был создан ее демонический образ, пользовались большой популярностью и продавались весьма хорошо. Второй такой главной книгой о России после «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна явилась работа маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Эта книга стала настоящей библией русофобов, ее читают и интерпретируют по сию пору, хотя и относятся к ней по-разному, а кто-то и вовсе не

считает ее русофобской, будучи искренне убежденным, что Кюстин лишь сказал правду о нашей стране.

Почему такое происходит? Потому что среди отечественной интеллигенции широко распространено мнение, что большое видится на расстоянии, что лицом к лицу лица не увидеть, что взгляд со стороны всегда объективнее. Именно так порой воспринимают работы, написанные иностранцами о нашей стране, упуская из виду тот факт, что они создавались в рамках уже сформировавшегося политического мифа и транслировали уже укоренившиеся на Западе представления и стереотипы. Поэтому такие книги и были популярны: читатель видел и усваивал хорошо узнаваемый и привычный образ России.

Такому привычному, герберштейно-кюстиновскому взгляду европейцев на Россию посвящена эта книга. Каждый из писателей, чьи труды анализируются на ее страницах, создавал, казалось бы, свою страшную сказку о России, но все они почему-то оказывались очень похожими. И современные сказки о России не особенно отличаются от тех, что были выдуманы в позапрошлом веке. Еще раз напомним, что помимо страшных сказок о нашей стране тогда же было написано немало добрых историй, но этому взгляду будет посвящена уже другая книга.

Итак, страшные сказки о неизменно ужасной России... Не всегда, конечно, авторы этих произведений были последовательны в нагнетании страхов. Порой из создателей жутких

сказок о России они превращались в добрых сказочников, и такие метаморфозы с ними случались весьма регулярно. Почему? Потому что изменялась международная ситуация, перестраивалась система союзов, и обществу требовался иной, выгодно подретушированный образ России. Читатель увидит, как на страницах работ одного и того же автора Россия превращалась из империи Зла если не в воплощение мирового Добра, то в совершенно неопасное государство, а может быть, даже в помощника и защитника.

Эта книга – вовсе не история русофобии, не обобщающий теоретический труд. Это некий эскиз, набросок, галерея образов России, составленная на основе анализа работ европейских авторов, преимущественно французских, писавших о нашей стране в XIX веке, побывавших здесь или никогда не приезжавших сюда. Были ли они убежденными русофобами, обычными конъюнктурщиками или просто следовали «модным тенденциям» – решать читателю. Многие из работ этих авторов на русский язык не переводились, поэтому, надеюсь, читателю будет интересно познакомиться с мнением образованных европейцев XIX века о нашей стране. Может быть, тогда не станут казаться столь удивительными метаморфозы, произошедшие с нынешними западными политиками или обывателями. Ведь и сейчас действуют те же самые мифы и стереотипы восприятия. Мы и в XXI столетии остаемся для Запада вечной и неизменной Россией.

Фальшивое «Завещание Петра Великого»: история одного фейка

Начнем галерею образов, пожалуй, с самой страшной сказки – о вечном российском экспансионизме.

В истории человечества есть немало фальсификаций, подложных документов. Откровенных фейков, говоря современным языком. Фальшивок, которым была уготована долгая историческая судьба и которые длительное время воспринимались как самые достоверные документы. Или их было выгодно считать таковыми, даже если в их подлинности изначально имелись сомнения. Ведь если фальшивка изобретена, значит, это кому-нибудь нужно. «Константинов дар», «Протоколы сионских мудрецов» – пожалуй, самые известные примеры. Но есть в мировой истории еще один сфабрикованный документ, сыгравший определяющую роль в формировании негативного имиджа нашей страны. Этот документ вошел в историю под названием «Завещание Петра Великого».

Основой «Завещания» стал один из масштабных антирусских мифов – о стремлении России подчинить себе весь мир. Этот миф формировался, конечно, гораздо раньше, еще на рубеже XV–XVI веков, во времена «открытия» далекой «Московии» ренессансными путешественниками и особен-

но в годы Ливонской войны (1558–1583), вызвавшей у европейских государей опасения по поводу возможной русской экспансии и поставившей перед ними вопрос: не окажется ли со временем «русская угроза» даже сильнее и серьезнее турецкой? Русские в глазах некоторых европейских политиков выглядели варварами, стремящимися уничтожить западную цивилизацию.

Начавшиеся петровские преобразования заставили вспомнить о «русской угрозе». После победы России в Северной войне (1700–1721) страх перед мужавшим в сражениях государством еще более крепчал. Если допетровская Россия воспринималась европейцами как тираническая и рабская страна, варварское захолустье, которое из всех возможных реакций вызывало только отвращение, то после триумфа под Полтавой (1709) все изменилось. Если Петр I прорубил «окно в Европу», то европейцы именно тогда уже во второй раз «открыли» для себя нашу страну. Европа неожиданно для себя увидела мощную Россию, стремительно выходящую на европейский уровень. И это не только вызвало изумление, но и посеяло в душах европейских политиков страх перед «русской угрозой».

Эти страхи перед Россией усилились в конце XVIII столетия, ставшего для Европы очень напряженным. Просветители во многом подготовили французское общество к революции, которая повлекла за собой войны, сначала революционные, а потом и наполеоновские. Именно в это вре-

мя появляется документ, послуживший основой фальшивого «Завещания Петра Великого». «Завещание» можно рассматривать как апогей страхов перед Россией, причем «страхов фантазии», то есть воображаемых – перед «русской угрозой» и «русским экспансионизмом».

Эта подделка сама со временем обросла легендами и даже после ее разоблачения продолжала распространяться и служить подтверждением якобы неизменного стремления России к мировому господству. Небольшой документ, состоящий из четырнадцати пунктов (совсем как «Четырнадцать пунктов» Вудро Вильсона), которому было суждено стать знаменем антирусской пропаганды.

Начнем с того, что император Петр I никакого завещания не оставил, а фальшивые завещания в XVIII веке были весьма распространенным явлением. Но кто являлся автором этого документа?

В 1958 году американский историк Раймонд Макнелли, а в 1967 году французская исследовательница Симона Блан пришли к выводу о том, что автором первоначального текста документа был польский генерал Михаил Сокольниковский (1760–1816), в 1792 году принимавший участие в кампании против русских войск. После подавления восстания Тадеуша Костюшко он был отправлен в Россию и занимался там научными изысканиями. На родину был отпущен после смерти императрицы Екатерины II. В 1797 году Сокольниковский уехал в Париж и поступил на службу во французскую армию.

В том же году он написал документ под названием «Общий обзор России» и предложил его правительству Директории. Конечно, никаких симпатий к России он не испытывал, более того, она была для него главным врагом его родины. В документе Сокольницкий обращается с призывом к Франции, забывшей о своей политике союзницы и защитницы Польши и не ведающей, что не только Польше, но и всей Европе угрожает опасность в лице России. В конце текста содержался «план увеличения России» Петра, добытый, по словам автора, в русских архивах, захваченных в 1794 году в Варшаве. Этот документ тогда не был востребован правительством Директории, поскольку внешнеполитические задачи были иными.

Однако спустя много лет о «Завещании Петра Великого» вспомнил мастер политической пропаганды Наполеон Бонапарт, ставший в 1799 году первым консулом, а в 1804 году – императором французов, сам стремившийся к мировому господству, причем не мифическому, а вполне реальному, и готовившийся к войне с Россией. В 1811 году генерал Сокольницкий был вызван в Париж, где принимал активное участие в секретных приготовлениях к войне. Именно Наполеон, просмотрев и отредактировав текст Сокольницкого, приказал включить его в книгу историка и сотрудника министерства иностранных дел Шарля-Луи Лезюра (1770–1849) «О прогрессе Российской державы от ее истоков до начала XIX века». Книгу планировали издать накануне Русской

кампании, поэтому «Завещание» должно было обосновать необходимость военного похода в далекую Россию. Несмотря на то что реальная цель Наполеона заключалась в том, чтобы «проучить» императора Александра I, заставить его присоединиться к «континентальной блокаде» и совместно действовать против Великобритании, целью пропаганды было внушить солдатам, что они отправляются в Россию сражаться против русского варварства, дабы тем самым предупредить русскую экспансию. Однако работу опубликовали только в октябре 1812 года, когда ситуация для Наполеона была уже совершенно иной.

В заключительной части одной из глав этой книги, где рассказывалось об императоре Петре Великом, на двух страницах приводится резюме «плана Петра I», лишь незначительной редакторской правкой и очень небольшими изменениями отличающееся от текста генерала Сокольниковского. Это не оставляет никаких сомнений в том, что перед нами один и тот же «документ».

По словам Лезюра, «преждевременная смерть Петра, может быть, спасла континент от большой катастрофы; но его проекты не сошли в могилу вместе с ним». Автор сообщает читателю, что в личных архивах русских императоров в Санкт-Петербурге хранятся секретные записки, сделанные рукой самого Петра I, в которых он изложил потомкам свои планы. Согласно этим «планам», Петр I советовал своим преемникам неуклонно преследовать во внутренней и внеш-

ней политике ряд задач, направленных на достижение заветной цели, а именно мирового господства России.

Документ можно условно разделить на две части. Первые двенадцать пунктов являются весьма сухим изложением принципов действий России, а также последовательных и конкретных внешнеполитических шагов, направленных на подготовку к установлению мирового господства. В соответствии с намеченной программой Россия должна предпринять следующее: приглашать из Европы «различных людей, особенно ученых» для использования западного опыта и укрепления своего потенциала; «поддерживать государство в системе непрерывной войны, для того чтобы закалить солдата в бою и не давать народу отдыха, удерживая его во всегдашней готовности к выступлению по первому знаку»; «всевозможными средствами расширять свои пределы к северу, вдоль Балтийского моря, и к югу, вдоль Черного моря»; «поддерживать в Англии, Дании и Бранденбурге недоброжелательство к Швеции» с целью ее окончательного покорения; «заинтересовать Австрийский дом в изгнании турок из Европы; под этим предлогом содержать постоянную армию и основывать по берегам Черного моря верфи и, постоянно подвигаясь вперед, достичь Константинополя»; «поддерживать анархию в Польше, влиять на ее сеймы и особенно на выборы королей, раздроблять ее при каждом удобном случае и, наконец, покорить»; «заключить тесный союз с Англией и поддерживать с нею прямые отношения посредством хо-

рошего торгового договора...» с целью «благоприятствовать усовершенствованию и увеличению русского флота, при помощи которого тотчас же надлежит добиться господства над Балтийским и Черным морями...»; овладеть торговлей с Индией;

«углубиться до Персидского залива и озаботиться восстановлением прежней левантской торговли через Сирию»; «вмешиваться, невзирая ни на что, силою или хитростью, в распри Европы и особенно Германии...»;

«заискивать и поддерживать союз с Австрией, убаюкивать ее любимой ее мыслью о преобладании... с целью постепенного ее ослабления временами даже помогать ей, а между тем втайне создавать ей врагов в Европе и особенно в Германии...»; «в супруги русским монархам избирать германских принцесс и путем родственных отношений и выгод умножать союзы для увеличения русского влияния в этой империи»; «пользоваться религиозным влиянием на греко-восточных отщепенцев или схизматиков, распространенных в Венгрии, Турции и южных частях Польши, привлекать их к себе всевозможными прельщениями, навязываться в их покровители и добиваться над ними духовного главенства», подчинив в итоге Турцию и Польшу.

Последние пункты, 13-й и 14-й, посвящены непосредственно планам европейского господства России и являются откровенной русофобской фантазией, никак не связанной с объективной реальностью, но отражающей уже ставшие

традиционными европейские страхи перед русским «варваром у ворот»: «необходимо втайне приготовить все средства для нанесения сильного удара, действовать обдуманно, предусмотрительно и быстро, чтобы не дать Европе времени прийти в себя». Сначала сделать предложение Версальскому двору, потом Венскому «относительно раздела между собой власти над всем миром». «Этот проект увлечет их и вызовет между ними войну насмерть, которая вскоре сделается всеобщей...» И вот тогда «среди этого всеобщего ожесточения к России будут обращаться за помощью то та, то другая из воюющих держав», а Россия тем временем выдвинет свои войска на Рейн, вслед за которыми вышлет туда свои несметные азиатские орды. «И лишь только последние углубятся в Германию, как из Азовского моря и Архангельского порта выйдут с такими же ордами два значительных флота под конвоем двух вооруженных флотов – Черноморского и Балтийского. Они внезапно появятся в Средиземном море и океане для высадки этих кочевых, свирепых и жадных до добычи народов, которые наводнят Италию, Испанию и Францию; одну часть их жителей истребят, другую уведут в неволю для заселения сибирских пустынь и отнимут у остальных всякую возможность свержения ига. Все эти диверсии дадут тогда полный простор регулярной армии действовать со всей силой, с полной уверенностью в победе и в покорении остальной Европы».

Совершенно очевидно, что Петр Великий никак не мог

мыслить категориями «несметных азиатских орд», «кочевых, свирепых и жадных до добычи народов», «греко-восточных отщепенцев или схизматиков», равно как не мог писать о «пустынях Сибири», не говоря уже о допущенных в тексте фактических ошибках. В целом «Завещание» отражает внешнеполитические реалии конца XVIII века, но вовсе не петровской эпохи. Прежде всего, в этом документе прослеживаются политические интересы Польши и Франции. Однако поскольку содержание документа было созвучно уже укоренившемуся взгляду на Россию и ее внешнюю политику, да еще в условиях войны, на такие «мелочи» просто не обращали внимания. В результате, мешая правду с вымыслом, Лезюр завершал формирование стереотипа «русской опасности», соединявшегося в сознании европейцев с мифом о «русском варварстве».

Какое-то время книга Лезюра, в которой был помещен «план Петра I», оставалась достоянием весьма узкого круга лиц. Во всяком случае, ничего не известно о первых откликах на публикацию этой работы. Прошло некоторое время, и этот документ оказался очень востребованным.

Почему эта фальшивка понадобилась в 1830-е годы? По окончании Наполеоновских войн и триумфального вступления русских войск в Париж Россия стала влиятельной державой на континенте, поэтому ее могущество начало вызывать страхи у других участниц «европейского концерта». Но одно дело совместная борьба против общего врага в лице На-

полеона Бонапарта, когда русская военная мощь была необходима, и совсем другое – активное участие России в делах Европы в рамках Венской системы международных отношений, закреплённой на одноимённом конгрессе. Дальнейшие успехи России европейские пропагандисты начинают интерпретировать в духе «русской угрозы» и «врага у ворот», нагнетая страхи, что Россия, укрепляя свои позиции на Востоке, вскоре непременно обратит свой завоевательный взор на Европу. Конечно, надо понимать, что, как и прежде, это были «страхи фантазии», поскольку Россия вовсе не собиралась завоевывать Европу, но её активная внешняя политика преподносилась именно таким образом. Адрианопольский договор по итогам Русско-турецкой войны 1828–1829 годов и особенно Ункяр-Искелесийский договор 1833 года, заключённый между Россией и Османской империей, – все это укрепляло позиции России на Востоке и в зоне Проливов и не могло не провоцировать раздражения у «коллег» по пентархии, то есть пятерки европейских лидеров.

Июльская революция 1830 года и приход к власти короля Луи-Филиппа Орлеанского вызвали у императора Николая I, убеждённого защитника принципов легитимизма, на котором была основана Венская система, взрыв подлинного негодования, и в эмоциональном порыве государь был готов отправить во Францию войска для восстановления на французском престоле «легитимного» короля Карла X. Точно так же он был готов оказать вооружённую помощь королю Нидер-

ландов после произошедшей в августе 1830 года революции в Брюсселе и отделения Бельгии от Голландии. В итоге Николай I признал новый французский режим, российские войска в Европу так и не были отправлены, однако в глазах европейских либералов российский государь стал восприниматься как новый Аттила, а русские представлялись как гунны, готовые заполнить Европу. Французы же полагали, что от русской интервенции их спасло восстание в Польше, поглотившее силы России на целый год. Действительно, подавление Россией восстания в Царстве Польском 1830–1831 годов (а как иначе российские власти могли отнестись к мятежу на территории империи!) произвело крайне неблагоприятный эффект на общественное мнение Европы. Россию стали воспринимать душительницей польской свободы, а поляков – мучениками и борцами с русской тиранией. О том, что император Александр I в 1814 году даровал Царству Польскому конституцию и предоставил широкую автономию в составе Российской империи, в Европе вспоминать было не принято. В результате поляки стали любимцами «прогрессивной европейской общественности», а обратной стороной европейской любви к полякам стала ненависть к России.

Вовсе не случайно, что в 1830-е годы появляется целый ряд новых версий «Завещания Петра Великого». Упомянем лишь самые важные. В 1836 году увидели свет так называемые «Мемуары кавалера д'Эона», изданные Фредериком Гайарде, популярным тогда писателем, конкурентом и соав-

тором Александра Дюма. Почему «так называемые»? Потому что Гайарде, по сути, составил очередную мистификацию, соединив реальные записи одного из знаменитых авантюристов века Просвещения, французского дипломата кавалера д'Эона (1728–1810), с вымыслом: якобы кавалер д'Эон во время пребывания в дипломатической миссии в Петербурге в 1756–1760 годах (там он будто бы переодевался в женское платье и фигурировал под именем девицы Лии де Бомон, но эту легенду выдумал сам д'Эон, а Гайарде только дополнил и разнообразил его фантазию вымышленными подробностями) раздобыл в секретных архивах Санкт-Петербурга текст «Завещания» Петра. Книга стала весьма популярной и в 1866 году (опять-таки после польского восстания 1863–1864 годов и очередного всплеска антироссийских настроений в Европе) была переиздана, правда, Гайарде убрал из этого издания сочиненные им от лица д'Эона рассказы о якобы романтических похождениях дипломата.

В 1839 году текст фальшивого «Завещания» был опубликован в книге польского историка, активного участника польского восстания 1830–1831 годов Леонарда Ходзко «Историческая, литературная, монументальная и иллюстрированная Польша». Именно Ходзко впервые связал планы «Завещания» с реальной внешнеполитической деятельностью Петра I. Книга оказалась востребованной и только за период с 1839 по 1847 год выдержала шесть изданий, сыграв решающую роль в популяризации в европейских странах идеи о

завоевательных намерениях русских государей.

Под названием «Завещание Петра Великого» текст многократно использовался в антирусских политических целях и регулярно переиздавался на английском и французском языках, став манифестом русофобской мысли XIX века, а штампы и стереотипы об «азиатских ордах» и «пустынях Сибири» воспроизводились в разных текстах с завидным постоянством.

Начиная с этого времени ни один серьезный кризис между Россией и Западом не обходился без мнимого «Завещания», которое неизменно привлекали как существенный аргумент в дискуссиях против российского «экспансионизма». Его поднимали на щит в ходе участия России в подавлении революции в Венгрии в 1849 году, активно использовали в годы Крымской войны. В частности, император Наполеон III приказал вывесить текст «Завещания» на общественных зданиях в Париже и по всей Франции.

Известный французский художник и график Гюстав Доре в 1854 году опубликовал книгу «Чрезвычайно образная, увлекательная и причудливая История Святой Руси». Это сатирическая, даже язвительная иллюстрированная история России, своеобразный прототип современных комиксов. В этой книге Доре, обыгрывая тему «Завещания», сообщает о том, что Петр Великий оставил своим потомкам в наследство самое дорогое, что у него было, а именно «могучий свой аппетит», а перед смертью заявил: «Вам, думаю, известно,

что Европа – это всего лишь провинция России. Управляется же она несколькими сомнительными господами, вообразившими себя, с позволения сказать, монархами. Вам надлежит сорвать с нее печать, притом без всяких формальностей, и входящие в нее страны принять в состав нашей великой державы». И вывод Петра таков: «Губите Европу, бог с ней, но не Россию!»

Что интересно, при анализе деятельности Петра I Доре ссылается на «высокоуважаемого Франсуа Рабле, лучшего из знатоков российской истории, в особенности того периода, когда страной управлял Петр Первый». Он иронично подчеркивает, что «неважно, что родился мэтр Франсуа почти на двести лет раньше русского властителя, ибо гению дано быть пророком». Тем более что Рабле действительно ставил в один ряд «москвитов, индейцев, персов и троглодитов». Ирония иронией, но Доре, вероятно, не желая того, озвучил очень важный тезис: у Запада была и есть своя Россия, вовсе на нашу страну не похожая. Образ такой России является не результатом ее тщательного и вдумчивого изучения, а лишь продуктом европейской фантазии, «конструктом воображаемого», и в этом творческом деле можно хоть всю историю России, вплоть до настоящего времени, изучать, ссылаясь на «мэтра Франсуа».

Даже после того, как в 1879 году было доказано, что «Завещание Петра Великого» является фальсификацией, на этот документ продолжали ссылаться в пропагандистских

целях. Ведь в пропаганде важна не истина, а формирование нужного мнения. Вот почему данный документ активно использовался в годы Первой мировой войны; потом этот текст был переиздан в нацистской Германии. Фальшивое «Завещание» оказалось очень востребовано сразу после окончания Второй мировой войны, а уже в преддверии холодной войны в 1945 году о нем вспомнил президент США Гарри Трумэн в беседах с американским дипломатом Джорджем Фростом Кеннаном²

---

² Джордж Фрост Кеннан (1904–2005) – американский дипломат, политолог, автор «длинной телеграммы» и идеолог «политики сдерживания», историк-славист. В 1971 году опубликовал книгу «Маркиз де Кюстин и его “Россия в 1839 году”».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.